

«Господи, ничему не верю...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

"Господи, ничему не верю..." «ГОСПОДИ, НИЧЕМУ НЕ ВЕРЮ...»

Господи, ничему не верю.
Всё только пар или слово.
Красноречивый зверь
Избежит Твоего улова.

Сколько обликов у лица,
У голоса – сколько наречий.
И без конца
Земные встречи.

Никто не лжет.
И всё – как в самом деле,
А правда не живет
Дольше недели.

• **Дождь после засухи**

Расправили сосны душистые плечи,
Склонили к земле увлажненные гривы.
Упавшие капли, как звонкие речи,
И в каждой из них голубые отливы...

Бесцельно-певучий, протяжный и сочный,
Откуда ты, говор, ленивый и странный?
Размыло ли бурей ручей непроточный,
Усилил ли ветер свой бег непрерывный?

И вслед водоносной разорванной туче
Понес утоленных лесов славословье
Туда, где рождается ливень певучий,
Где солнце находит свое изголовье...

• **Медному всаднику**

Добро, строитель чудотворный!..

Ужо тебе!..

Пушкин

Боготворимый гунн!
В порфире Мономаха
Всепобеждающего страха
Исполненный чугуна!

Противиться не смею:
Опять удар хлыста,
Опять – копыта на уста
Раздавленному змею!

Но, восстающий раб,
Сегодня я, Сальери,
Исчислю все твои потери,
Божественный Арап.

Перечитаю снова
Эпический указ,
Тебя ссылавший на Кавказ
И в дебри Кишинева:

«Прочь, и назад не смей!»

И он восстал, неистов:

На плахе декабристов
Загрохотала медь...

Петровские граниты
Едва прикрыли торф –
И правит Бенкендорф,
Где правили хариты!

1916.

• **Дон-Кихоту**

На перепуганных овец,
На поросят в навозной куче

Все молчаливее и круче
Взирает немощный боец.

И вместо хохота и плутней
Пирующих трактирных слуг
Рокочут в честь его заслуг
Несуществующие лютни.

Течет луна, как свежий мед,
Как золото, блестит солома,
Но все растущая истома
Его души не обоймет.

Неумирающая Роза,
Изгибом пряного стебля,
Какой цветок затмит Тебя,
О Дульцинея из Тобоза.

На ложе каменных дорог
От Кадикса до Сарагоссы
Легки, обветренны и босы
Подшвы августейших ног.

Сжимая скипетр или серп,
Мужичка или королева,
Ты – прародительница Ева,
В эдеме твой старинный герб!

• Зной

О Феб, сожми узду в протянутой ладони!
По золотым следам пылающего дня
Да повлекут тебя торжественные кони,
На облачных путях копытами звеня.
Пусть раб порвет, смеясь, извечные вериги,
Услышав мерный гул серебряной квадриги.

Неутолимый зной, мучительный и сладкий,
На землю да падет, как звонкая праща,

Немолчно-шумный лес заполнит украдкой
И там рассыплется, на листьях трепеща.

И вдруг, забыв слова стыдливости и гнева,
Приникнет к юноше пылающая дева...
Еще, о Гелиос, о царственный Зенит!
Благослови сады широкогрудой Гебы,
Благослови шафран ее живых ланит,
На алтаре твоём дымящиеся хлебы,
И пьяный виноград, и зреющие сливы,
Где жертвенный огонь свои прядет извивы.

• **Песня красных кровяных шариков**

Мы принесли, кровеносные пчелы,
Из потаенных глубин
На розоватый простор альвеолы
Жаждающих соков рубин.

Вечно гонимый ударом предсердий,
Наш беззаботный народ
Из океана вдыхаемой тверди
Солнечный пьет кислород.

Но, как посол торопливый и стойкий,
Радости долгой лишен –
Мы убегаем на пурпурной тройке,
Алый надев капюшон.

Там, где устали работать волокна,
Наш окрыленный прыжок
Бросит, как ветер в открытые окна,
Свой исступленный ожог.

• **Художнику**

Сегодня Вы опять большой, как тишина..
Исполнены томлений и корысти,
На полотне бесшумно спорят кисти,

И тайна творчества загадки лишена.

Час набегающий – обетованный дар,
Он – обещание, залог, измена,
До боли переполненная вена,
С трудом несущая замедленный удар.

Палитру золотит густой, прозрачный лак,
Но утолить не может новой жажды:
Мечты бегут, не повторяясь дважды,
И бешено рука сжимается в кулак.

Апрельское тепло не смея расточать,
Изнеможденный день пошел на убыль.
А на стене все так же мертвый Врубель
Ломает ужаса застывшую печать.

Но есть предел желаний и труда, –
Смеется на холсте лицо Горгоны;
Смеется гибельно, превозмогая стоны,
Как под ударами гремящая руда!

• Эрмитаж

Сегодня, как вчера, озлобленно-усталый
Я отдохнуть пришел в безлюдный Эрмитаж.
И день благословил серебряный и талый,
Покрывший пепельной неясностью порталы,
Как матовым стеклом анатолийских ваз.

В упругой грации жеманного Кановы,
В жестокой наготе классических камней
Недвижно-радостны, мучительны и новы
Творящей красоты рельефные основы,
Мечты, почившие в безмолвии камней.

Как правильно дворца нарядные пороги
Лепного потока усиливают гнет!
Не живут однажды скованные боги,

И никогда пожар бичующей тревоги
Любви дарящего полета не вернет.

• **Сонет**

Посвящается Рудину

Страдания последний монолог,
Живой обман, на истину похожий,
Становится печальнее и строже
И, наполняя болью каждый слог,

Уходит, как освобожденный бог,
Склониться у неведомых подножий.
Но ты – другой. Как нищий и прохожий,
Поэзии непонятой залог,

Всегда один, смешон и безрассуден,
На баррикадах умер Рудин.
Когда-нибудь нелицемерный суд

Окончит ненаписанные главы –
И падших имена произнесут
Широкие и полные октавы...

Лариса Михайловна Рейснер [1(13).5.1895, Люблин – 7 (по другим данным 9).2.1926, Москва] – публицист, поэтесса, драматург. Дочь социолога и правоведа, оказавшего огромное влияние на духовное и идейное становление дочери. Отец Рейснер, будучи профессором Томского университета в 1898-1903, был обвинен в «возмутительной пропаганде» и в 1903 эмигрировал в Германию, где завел постоянные знакомства с руководителями российской и германской социал-демократии – А.Бибелем, К.Либкнехтом,

В.И.Ульяновым (Лениным); после возвращения в Россию (1907) активно содействовал становлению социал-демократического движения на родине.

Рейснер с детских лет оказалась захваченной романтикой революционной борьбы; во многом «бунтарский», «неоромантический» пафос ее ранних произведений – лирических стих, и героико-романтической драмы «Атлантида» (1913) – обусловлен интеллигентским идеализмом, присущим семейству Рейснеров. Другим источником влияния на Рейснер в ее отроческие годы стала поэзия русских модернистов – символистов и акмеистов, также тяготевшая к неоромантизму.

В 1912 Рейснер, окончив с золотой медалью гимназию, поступила в Петербургский психоневрологический институт, где в это время преподавал ее отец.

В 1915-16 Рейснер вместе с отцом выпускает сатирический журнал «Рудин» (названный по имени тургеневского героя, которого Рейснер считала, вслед за А.В.Луначарским, провозвестником и предшественником революционной социал-демократии). Рейснер редактирует «Рудина» и помещает здесь ряд стихотворений и резких фельетонов, высмеивающих нравы политической и творческой интеллигенции 1910-х. Особое место в идеологической программе ж. занимала критика «оборончества» (в частности, критика взглядов на войну Г.В.Плеханова), которое почиталось Рейснерами формой оппортунизма. Однако, не скрывая идейно-политической физиономии журнала, Рейснер в качестве редактора «Рудина» заботилась о том, чтобы «открыть дорогу молодым талантам»: она привлекала к сотрудничеству в журнале участников университетского «Кружка поэтов» (в который входила сама) – О.Э.Мандельштама, Вс.А.Рождественского, талантливых художников С.Н.Грузенберга, Н.Н.Купреянова, Е.И.Праведникова. После закрытия «Рудина» (в мае 1916 журнал закрылся за недостатком средств для его издания.) Рейснер сотрудничает в журнале М. Горького «Летопись», а затем – в горьковской «Новой жизни».

В 1916-17 Рейснер переживает бурный роман с Н.С.Гумилевым, оставивший глубокий след в ее жизни и творчестве (под именем «Гафиза» поэт выведен в «Автобиографическом романе», не опубликован при жизни Рейснер).

Рейснер принимает активное участие в революционных событиях в Петрограде в феврале – октябре 1917. Вместе с демонстрантами она принимает участие в пикетировании Петропавловской

крепости, освобождении политзаключенных.

В 1917 участвует в деятельности комиссии по делам искусств исполкома Советов рабочих и крестьянских депутатов, а после октября 1917 – в Специальной комиссии по учету и охране Эрмитажа и музеев Петрограда. После вступления в ВКП(б) (1918) Рейснер делает единственную в своем роде карьеру женщины – военного политика: в дек. 1918 она становится комиссаром Генерального штаба Военно-Морского флота РСФСР, прослужив до того несколько месяцев комиссаром разведывательного отряда штаба 5-й армии, принимавшего участие в боевых действиях Волжско-Камской флотилии.

С июня 1919 по середину 1920 Рейснер вновь участвует в боевых действиях, на этот раз – Волжско-Каспийской флотилии, а с лета 1920 становится сотрудником Политуправления Балтийского флота. Подобная «революционная биография» сделала из Рейснер символ «женщины русской революции»: образ Рейснер послужил для Вс. Вишневского прототипическим источником для создания знаменитой «Оптимистической трагедии».

В годы Гражданской войны Рейснер не оставляла занятий литературой, однако основным жанром ее творчества становится теперь художественно-публицистический очерк.

С 1918 в газете «Известия» печатаются ее «Письма с фронта», составившие впоследствии книгу «Фронт: 1918-1920 гг.». Очеркам Рейснер была свойственна специфическая «романтичность». В каждом шаге, в каждом жесте своих героев Рейснер видела легенду революции. Поэтому так нарочито колоритны краски, так энергичен ритм повествования в этих произведениях. Рейснер не столько рассказывала о происходящих событиях, сколько как бы лепила скульптурные изваяния своих героев, которые несли революции «свое геройское ремесло и подымали до себя колеблющуюся и податливую массу», «по-царски расточая сокровища своего беззаботного, доброго и непостижимо стойкого духа» («Маркин»). Нельзя не отметить, что Рейснер действительно удалось запечатлеть немало ярких психологических ситуаций: она стремилась людские судьбы революции поднять на уровень трагедии мирового духа. Так, в очерке «Астрахань», рассказывая о морском летчике, пережившем гибель сына, Рейснер писала: «Он подымается после этого на воздушные сражения по три-четыре раза в день, вопреки всем предупреждениям. Теперь на его большом лице появилась еще черта – прямая и резкая, как он сам, значение которой неизбежно и непреклонно и перед

которой опускаются человеческие глаза, не смея ее узнать. Этой чертой бессильной силы отмечен Геркулес Фарнезе» (Избранные произведения. М., 1958. С.73).

Во время пребывания в Петрограде в 1920-21 Рейснер принимает активное участие в литературно-общественной жизни, сотрудничает с петроградским Союзом поэтов, заводит тесное знакомство с А.А.Блоком.

В марте 1921 в составе Советского представительства, которое возглавлял ее муж Ф.Ф.Раскольников, Рейснер уезжает в Афганистан. Очерки о деятельности советской миссии в этой стране (первой установившей политические контакты с РСФСР) печатались в газете «Правда», а затем были объединены Рейснер в книгу «Афганистан» (1924).

После разрыва с Ф.Ф.Раскольниковым Рейснер возвращается в Москву, занимается журналистикой. В 1923 и 1925 работала специальным корреспондентом «Красной звезды» и «Известий» в Германии, результатом чего явились циклы очерков «Берлин в 1923 году», «В стране Гинденбурга», «Гамбург на баррикадах». Близким другом Рейснер в этот период ее жизни был видный коммунистический деятель Карл Радек, примыкавший к троцкистской оппозиции.

В 1926 Рейснер внезапно заболела тифом и скоропостижно скончалась в возрасте 30 лет.

Беллетристика Рейснер несет очевидную печать эпигонства, в ней присутствуют штампы модернистской литературы, особенно – акмеизма, с его пристрастием к описательной, «вещной» изобразительности и риторике. Действительно индивидуальными, яркими по содержанию и по форме оказались очерки Рейснер; в своих художественно-публицистических произведениях Рейснер, наряду с Д.Фурмановым и А.Серафимовичем, стоит у истоков поэтики «социалистического реализма».

Лариса РЕЙСНЕР. Goşgular